

Визуальная социология

Перформативная память и памятник вианбу в Южной Корее

DOI: 10.19181/inter.2018.15.6

Елена Рождественская*

Статья посвящена визуальному и коммеморативному анализу памятника жертвам японско-корейской войны (вианбу). Установка визуально-социологического анализа реализуется в данном случае не путем герменевтики исключительно визуального: напротив, идея памятника расшифровывается в контексте истории и музейной культуры Кореи. Показано, что смыслы памятника воссоздаются через ритуалы перформативной резонансной памяти. Исторические события, которым посвящен памятник, все еще не имеют консенсуса в национальной и интернациональной исторической памяти, поэтому требуют перформативного формата коммеморации как постоянно переопределяемого и подтверждаемого нарративами ее соучастников. Среди участников коммеморативного процесса вокруг памятника вианбу — социальные акторы с различными мнемоническими способностями и институциональными ресурсами (собственно выжившие свидетели, активисты коммеморативного фонда и публика). В ответ на социальный запрос коммеморации возникает новая мемориальная эстетика антимонументальности — соразмерная человеку, пульсирующая в режиме еженедельных ритуалов и обжитая, как укутанная шарфом уличная скульптура.

Ключевые слова: мемориал, перформанс, история японо-корейской войны, коммеморация, визуальное

Фото 1¹

* Рождественская Елена, доктор социологических наук, профессор факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. erozhdestvenskaya@hse.ru

¹ <https://edition.cnn.com/2017/02/05/asia/south-korea-comfort-women-statue/index.html>

Введение. Контуры объекта

Скульптуры в публичном городском пространстве наряду с историческими музеями демонстрируют, как нация перерабатывает свой сложный опыт прошлого, политические ценности нации, принесенные жертвы и травматическое наследие. Для целей данной статьи мы избираем непростой и редко описываемый в российском контексте мемориаторский проект, связанный с сексуальными преступлениями Второй мировой войны, оккупацией Японией стран Восточной и Юго-Восточной Азии. С 1910 по 1945 годы Корея была японской колонией. Из Кореи и стран этого региона были насильно рекрутированы до 200 тысяч молодых женщин — вианбу — для военных борделей, так называемых «станций утешения». Выжили немногие ввиду уничтожения, до сегодняшнего дня дожили несколько десятков. После публичного свидетельства одной из них, Ким Хак Сун, которое мотивировало на признание и других выживших, с 1992 года каждую среду выжившие вианбу и сочувствующие им собираются рядом с японским посольством в Сеуле. Это общественное движение известно как «Протест Среды» и занесено в Книгу рекордов Гиннеса как самая продолжительная гражданская акция в истории. Собирающиеся по средам активисты требуют от японского правительства должного формального извинения, признания вины и компенсации за искалеченные и отнятые жизни.

Исторически важно упомянуть, что, хотя и велись японско-корейские переговоры, которые привели к созданию Азиатского женского фонда (AWF), а также готовилось соглашение по проблеме вианбу в 1995 году, однако эта активность была прекращена в 2007 году. AWF предложила вариант материальной компенсации и письма с извинениями, которое должен был подписать премьер-министр, но, поскольку это был двусмысленный жест уклонения от юридической ответственности государства, он не содействовал примирению (Kingston, 2010: 198–200). Тем не менее, важной вехой на пути к примирению было Соглашение 1993 года в Кено, в котором Япония признала ответственность государства за систему сексуального рабства «женщин для утешения», извинилась за принудительную их вербовку и пообещала искупить (Morris-Suzuki, 2014).

Токио и Сеул почти завершили соглашение с вианбу, однако в декабре 2012 года оно вновь было расторгнуто. В соответствии с условиями этого соглашения посол Японии в Южной Корее посетил бы дом каждой выжившей «женщины для утешения» и в дополнение к денежной компенсации передал бы письмо от имени премьер-министра. Японская сторона была готова принять моральную ответственность за принятие этого гуманитарного жеста искупления и примирения, но была твердо уверена, что не примет юридической ответственности. Японские дипломаты полагали, что правительство Южной Кореи в последний момент «переместило стойки ворот», требуя также признания юридической ответственности, когда соглашение было почти заключено. 8 корейских дипломатов, участвовавших в его подготовке, утверждали, что тщательно откалиброванное соглашение, уклоняющееся от юридической ответственности, не соответствовало грандиозному жесту, требуемому для восстановления достоинства женщин и нации, — и поэтому не могли идти на компромисс в этом вопросе.

В декабре 2015 года Япония признала свою «глубокую ответственность» за проблему «женщин для утешения», был выделен 1 млрд иен (около 8,5 млн долларов) южнокорейскому «Фонду примирения и исцеления», который помогает женщинам, пострадавшим от сексуального насилия во время японской оккупации². Возможно, самым большим наследием AWF является виртуальный музей³ о «женщинах для утешения». Именно этому фонду принадлежала инициатива создать памятник вианбу.

² <http://www.warinasia.com/the-house-of-sharing-nanum-gwangjjiusi/>

³ <http://www.awf.or.jp/e1/korea.html>

Именно в их честь, в напоминание их исторического опыта, но и с намерением обозначить неоплаченный долг, была создана рассматриваемая в статье скульптура⁴. И размещена она не где-нибудь в нейтрально-парковой зоне города, а перед японским посольством в Сеуле в 2011 году, в честь десятилетней годовщины первого признания жертвы «станций утешения».

Фото 2⁵

Каждую среду активисты выходят к памятнику — бронзовой «Статue мира», которая изображает молодую корейскую девушку, сидящую на стуле: ее кулаки сжаты и лежат на коленях, она осуждающе смотрит прямо на посольство Японии. Размер статуи соразмерен прохожим и не вознесен высоко в небо. Статую можно рассмотреть, потрогать, она не огорожена и доступна. Детали скульптуры глубоко символичны и оговорены авторами. Птичка на ее левом плече символизирует мир и освобождение, а также неразрывную связь с теми, кто уже давно на небесах. Коротко остриженные волосы означают разрыв с семьей и родным домом, босые приподнятые над землей пятки — нестабильное положение выживших женщин после войны, когда они боялись вернуться домой и открыто рассказать о своей судьбе. Пустой стул рядом со статуей девушки позволяет любому человеку присесть на него и почувствовать себя на ее месте, а также представить на этом месте своих родных и близких. К статуе относятся как к живому существу: ее одевают и укрывают в холода в настоящую одежду, украшают, приносят ей цветы и подарки.

На каждой из демонстраций по средам говорят одна или две оставшихся в живых вианбу. В возрасте от семидесяти до восьмидесяти лет, они посещают еженедельные демонстрации, насколько позволяет их здоровье. Несколько выживших сидят на стульях с одеялами и поют песни. Свидетельства «бабушек», как их называют корейцы, трогают присутствующих до слез.

⁴ Названная статуей мира, она создана парой скульпторов, мужем и женой, Kim Woon-sung и Kim Seo-kyung.

⁵ <https://indianexpress.com/article/world/japan-recalls-envoy-to-south-korea-over-comfort-woman-statue-4461426/>

Фото 3⁶

Они рассказывают свои истории об их похищениях и изнасилованиях, и они молятся за восстановление уважения к ним, за подтверждение своего опыта и за признание этого факта японским правительством. Иногда они кричат, иногда плачут — их невозможно игнорировать, хотя японское правительство делает это в течение почти двадцати лет; когда проходят эти демонстрации, единственным признаком того, что происходит что-то необычное, является присутствие корейских солдат, стоящих перед дверью японского посольства, чтобы гарантировать контролируемый порядок. «Демонстрации по средам» — это способ «сохранить» их голоса даже после их смерти, поскольку их поддерживают активисты движения, подхватывающие ритуал. Они держат плакаты с надписями: «Вернуть честь и достоинство нашим бабушкам», «Мир», «Честь» и «Любовь».

Формальными целями демонстраций по средам были требования:

1. Японское правительство признает как преступление вовлечение корейских женщин в статус «женщин для утешения».
2. Все варварские преступления должны быть полностью расследованы.
3. Официальное извинение должно быть сделано через резолюцию японского парламента (национальный законодательный орган Японии).
4. Юридически компенсации выплачиваются оставшимся в живых и семьям погибших.
5. Все факты о японской системе военного сексуального рабства записываются в японских учебниках истории.
6. Будет построен мемориал и музей.
7. Лица, виновные в совершении преступления, будут наказаны (Heit, 2009: 368).

Япония не раз требовала убрать статую от посольства, а в 2015 году, в рамках соглашения об урегулировании вопроса со «станциями утешения», ее демонтаж даже вошел в список условий для предоставления компенсации. Корейское правительство обещало рассмотреть вопрос демонтажа, но статуя до сих пор на месте. Более того, летом этого

⁶ <https://www.dailykos.com/stories/2015/3/16/1371238/-Korean-Comfort-Women-Exposed>

года ее копия появилась в городе Пусане, ее установили гражданские активисты — также рядом с консульством Японии. Статуи в пластике появляются в общественном транспорте.

Фото 4⁷

Их копии множатся в США, где достаточно много компактных поселений корейцев.

Фото 5⁸

⁷ <http://tulay.ph/2018/01/16/other-comfort-woman-statues/>

⁸ <http://www.koreya24.ru/otnosenia-s-drugimi-stranami/stancii-utesenia-prestuplenie-aponii-protiv-zensin-v-koree>

К контексту меморизации опыта вианбу

Памятник вианбу появился в определенном контексте меморизаторской культуры военного конфликта Японии, Китая, Кореи и сопредельных восточно-азиатских стран. В своей книге «От культур войны к культурам мира» (Yoshida, 2014) Такеши Йошида, историк из Университета Западного Мичигана, выражает обеспокоенность тем, что музеи истории этого военного конфликта могут разжигать двустороннюю напряженность и усложнять процесс примирения, поскольку ужасающие образы зверств способны спровоцировать национализм / националистические настроения среди молодых посетителей, школьников. Если посетители из Южной Кореи мало знают о разных японских взглядах на военное прошлое Японии, они могут просто заключить, что милитаризм вырос в Японии.

Фото 6⁹

В Южной Корее трудно преувеличивать власть государства в ситуации, когда музеи фактически становятся культурным оружием для содействия монолитным коллективным воспоминаниям, направленным на наращивание национализма и патриотической преданности. С одной стороны, Южная Корея выстраивает противоречивые повествования по различным аспектам военного противостояния и японской оккупации, с другой — публичный дискурс о японском колониальном правлении не оспаривается и не подрывается конкурирующими интерпретациями, оставаясь историческим пространством, посвященным соблазнительному для национального дискурса повествованию о виктимизации и преступлениях. Отвергая долю своей общей истории с Корейским полуостровом и принимая ответственность только эпизодически, уклончиво и двусмысленно, Япония передает молот истории корейцам, которые овладевают им с удвоенной силой.

В южнокорейских музеях истории совместное с Японией прошлое предстаёт как гневное воспоминание с графическими изображениями перенесенных страданий и зверств. Музеи и мемориалы о японском колониальном правлении явно воспитывают национальную идентичность, укорененную в антияпонском национализме, стимулируя помнить

⁹ <https://edition.cnn.com/2017/02/05/asia/south-korea-comfort-women-statue/index.html>

одиозное прошлое для целей мобилизации в настоящем и создания общей идентичности стоического и героического сопротивления — жертвы за нацию и единство.

В исторических музеях Китая и Кореи, в которых основное внимание уделяется Японии, японские грабежи богато и графически детализированы, не оставляя никаких сомнений относительно масштабов преступлений Японии. Несмотря на сходство исторических музеев КНР и Кореи в оценке японского милитаризма, похоже, есть одно поразительное различие. Китайские музеи подчеркивают унижение, что выводит на современное послание о необходимости быть сильным (Denton, 2014). В то время как южнокорейские музеи не призывают к унижению, уделяя особое внимание варварству японского колониального гнета и стойкому героическому сопротивлению корейцев. Конечно, китайские музеи также демонстрируют героическое сопротивление перед лицом японского варварства. Тем не менее, они выражают более последовательное повествование, направленное на содействие коллективной идентичности, чем японские музеи, связанные с войной, в которых демонстрируются конкурирующие, валоризирующие страдание рассказы (Hatch, 2014). Согласно Йошиде, «китайские и южнокорейские музеи мира, как правило, отличаются от своих японских аналогов тем, что они часто выступают против национализма и этноцентризма, подобно японским музеям войны» (Yoshida, 2014: 199). Можно сказать, что музеи и мемориалы в Южной Корее не поощряют примирение, а, напротив, сосредотачиваются на напоминании о том, что совершили японцы, что создает препятствия для улучшения отношений — которые, несомненно, будут сохраняться, поскольку, что бы ни делала Япония, этого, вероятно, никогда не будет достаточно.

Вследствие интернационализации споров о «женщинах для утешения», они закипели и в комитетах ООН по правам человека, и в дискуссиях по всему миру. Были предприняты зарубежные усилия по созданию или тиражированию статуй вианбу, посвященных страданиям женщин и вызывающих значительный дискомфорт среди японских правительственных чиновников и консерваторов. С 2010 года четыре города в США поставили памятники жертвам сексуального рабства, которые незамедлительно вызвали гневные протесты консервативных японских политиков. Движение памятников вианбу в США напрямую связано с фактом принуждения корейских женщин, поскольку в США поддержан дискурс, основанный на нормах и ценностях прав человека и гендерного равенства, который резко контрастирует с японским консервативным дискурсом отрицания системы сексуального рабства вкупе с отсутствием поствоенного раскаяния.

Корейско-американские группы поддержки сыграли определенную роль в лоббировании и сборе средств в память о страданиях «женщин для утешения». В 2010 году Palisades Park, штат Нью-Джерси, где более половины населения являются корейскими американцами, стал первым муниципалитетом, открывшим мемориал вианбу, несмотря на интенсивное сопротивление со стороны японских дипломатов. В округе Нассау, Нью-Йорк, рядом с мемориалом ветеранов в парке Эйзенхауэра есть мемориал «женщинам для утешения». В 2013 году в Глендейле, штат Калифорния, в общественном парке города также установлена статуя, идентичная статуе в Сеуле (Levine, 2014). Мемориальная доска посвящает памятник памяти 200 тысяч женщин-вианбу Юго-Восточной Азии, призывая японское правительство принять на себя ответственность за свою роль в этом преступлении. Мемориальная доска также объясняет, что расположенный рядом со статуей пустой стул «символизирует утешение выживших женщин, которые умирают от старости, но так и не были свидетелями справедливости» (Johnston, 2014). 4 августа 2014 года судья Глендейла отклонил иск и требование истцов убрать эту статую, подтвердив, что «статуя полностью соответствует внешней политике федерального правительства». В тот же день город Юнион-Сити, штат Нью-Джерси, стал четвертым городом в США, установившим свой женский мемориал.

Переосмысление роли музеев в коммеморативной работе

Какую роль могут играть музеи в формировании общественного дискурса и отношения к общему прошлому? Исторические музеи Южной Кореи остаются в ловушке гневных обличительных повествований, которые допускают мало нюансов, напоминая о колониальных страданиях и передавая мрачную историю неумолимых японских грабежей. Хэтч напоминает о том, что есть существенные исключения из этого обобщения: например, мемориальный парк, который был организован в бывшей тюрьме Seodaemun и который демонстрирует, что есть возможности усложнять повествования, устанавливая новые связи и пересматривать националистические дискурсы (Hatch, 2014). Усложняющим фактором является долговременная коллаборация корейских элит с колониальными японскими властями. Это сотрудничество остается темным местом в корейской истории, потому что многие из тех, кто обладал политической и экономической властью в Южной Корее после Второй мировой войны, вошли в элиту благодаря опыту колониальной эпохи, а также навыкам и капиталу социальных сетей, приобретенным при японском правлении. Эта реальность угнетает господствующую национальную идентичность. Тем не менее, «декриминализация» сотрудничества может стать полезным шагом на пути к примирению, поскольку она открывает новые возможности для совместных коммеморативных исследований и музейных экспозиций, в которых будет рассмотрена общая история и которые могли бы опираться на интригующий прогресс в области транснациональной колониальной литературы (Kleeman, 2003).

Моррис-Сузуки (Morris-Suzuki, 2009) предлагает возможности смешивания национальных повествований, создания виртуальных пространств, где различные рассказы могут быть совмещены друг с другом, позволяя свету [каждого] национального повествования освещать тьму из других, с тем чтобы перспективы многих жертв смогли выйти из тени. Это интригующая идея, но ее распространение может оказаться затруднительным. Например, есть виртуальный музей¹⁰ о женщинах-вианбу, который был организован Азиатским женским фондом, его материалы переведены на корейский, японский и английский языки (AWF, 2007; Wada, 2008). Однако его виртуальная библиотека поддерживает повествование о коллективной амнезии Японии. В ней содержатся справочные материалы, голоса некоторых жертв, собранных в устном историческом проекте, воспоминания женщин, ухаживавших за корейцами, пять томов документов, собранных в рамках правительственного расследования, и некоторые видеоролики. Это бесценный ресурс для учителей, исследователей и журналистов. Но AWF никогда не получала поддержку в самой Южной Корее, группы активистов препятствовали тому, чтобы бывшие женщины-вианбу согласились на предложенную компенсацию, поскольку это считалось уловкой японского правительства, чтобы избежать прямой юридической ответственности и, таким образом, уклониться от бремени истории (Soh, 2008) Очевидно, еще не пришло время для примирения в музеях, учебниках и других местах для рассказов о корейско-японской истории, — его не видно и в обозримом будущем.

Аффект, ритуал и перформанс как стратегии меморизации опыта вианбу

Рассмотрев сам памятник, возникшую вокруг него перформативную среду, сложившиеся ритуалы еженедельных демонстраций, а также социальных акторов, вовлеченных в финансирование и создание самого памятника и его множасьихся копий, мы можем теперь рассмотреть уже на обобщенном уровне перформанс как приглашение к активному взаимодействию с объектом коммеморативного искусства, что отражает важные тенденции в memory-studies. Существенным аспектом эффективности стратегии

¹⁰ AWF. 2007. Digital Museum. <http://www.awf.or.jp/index.html>.

коммеморации, воплощенной в современных интерактивных и перформативных коммеморативных практиках, является резонанс — как отклик на связность содержания и формы коммеморативной практики. Импульс к воспроизводству коллективной памяти стимулируется не только общими воспоминаниями, но и «коммеморабельностью» как определенными усилиями коммеморативного сообщества, обладающего совокупно мнемоническими способностями и институциональными возможностями, благодаря которым разворачиваются ритуалы и торжества памяти, как показывают в своем исследовании Э. Армстронг и С. Крэг (Armstrong, Crage, 2006). Важным предусловием коммеморабельности является мобилизационная активность тех, кто берет на себя задачу строительства коллективной памяти — от создания и формулирования «социальных рамок» до сценария публичного ритуала (Wagner-Pacifici, Schwartz, 1991; Vinitzky-Seroussi, 2002; Olick, 2003). Под мнемонической способностью Э. Армстронг и С. Крэг предлагают подразумевать навыки и ресурсы, необходимые для трансляции содержания коллективной памяти. Разнообразие этих ресурсов либо их недостаток имеют следствием вариации в технологиях коллективной памяти и коммеморативных формах, отсылающих к культурным моделям коммеморации (Lang and Lang, 1988; Taylor, 1996; Olick, Robbins, 1998). В отношении памятника вианбу мы обнаруживаем активность ресурсного фонда AWF, инструментализирующего национальную жертву для целей национального дискурса.

Интересным выводом упомянутого исследования Э. Армстронг и С. Крэг является различие социальных акторов с высокой и низкой мнемонической способностью — соответственно, в большей или меньшей степени влияющих на практики коммеморации, управляющих или подчиненных воспоминанию в определенных социальных рамках. В ритуале по средам вокруг памятника и в Пусане, и в Сеуле, участвуют как активисты, так и приглашаемые «бабушки», пожилые вианбу, у которых есть определенная роль, связанная с отведенными местами рядом с памятником, определенными речами в жанре свидетельств, и есть окружающая публика, которой адресован перформанс. Аффективные реакции — крики, плач, гневные филиппики — имеют и другого адресата: молчаливое здание японского посольства.

Аффективная составляющая перформанса подхватывает еще одно направление memory-studies, которое рассматривает значимость аффекта в «местах памяти» для выстраивания социальных солидарностей и национальных коллективных идентичностей (Sturken, 1997; Crang, Tolia-Kelly, 2010). За пределами национальных исторических конвенций это направление знаменует собой важный концептуальный сдвиг в современном мемориальном дизайне (Yanow, 1998; Young, 1993; Huyssen, 2003). Очевидно, запрос на тематизацию эмоций и аффекта в новой культуре коммеморации связан с девальвацией монументальности. Однако неподвижное, статическое проявление коллективной памяти, размеченное в городском ландшафте монументальными сооружениями в честь прошлого, корреспондировало с однозначно трактуемыми историческими событиями. Но события, так и не получившие консенсуса в национальной (и интернациональной) исторической памяти, как вианбу, очевидно востребуют иного формата коммеморации — перформативного, постоянно переопределяемого/подтверждаемого нарративами ее соучастников. В ответ на этот социальный запрос возникает новая мемориальная эстетика, отыгрывающая «антимонументальность», словами Джиллиан Карр (Carr, 2003). Содержательно этот тренд построен на приоритете пространственности и вовлекающей динамике мемориального дизайна при катализации аффективного поведения зрителей и участников ритуалов коммеморации.

«Аффективное наследие» — подобное опыту вианбу и его дискурсивному эху, перешагивающему границы и приводящему в движение памятники, вызывающее персонали-

зированные жесты ухода за памятником в виде его укутывания, одевания, украшения, — меньше полагается на официальную риторику, чтобы формировать и удерживать смысл на «местах памяти». В эмоциональном наследии аффект для зрителей прирастает впоследствии смыслом, поскольку он создается посредством телесно-сенсуального опыта с мемориальными пространствами и внутри них. Как об этом пишет Эмма Уотертон, «аффекты оказываются телесно опосредованными в аффективных мирах, которые формируют свои приемы, задействуя повседневные эмоциональные резонансы и циркуляцию чувств ...что означает понимание наследия как сложного и телесно воплощенного процесса смыслообразования (Waterton, 2014: 824).

Литература

- Armstrong E. A., Cragge S. M. Movements and Memory: The Making of the Stonewall Myth // *American Sociological Review*. 2006. N 71. P. 724–751.
- AWF. 2007. Digital Museum. URL: <http://www.awf.or.jp/index.html> (дата обращения: 12.06.2018)
- Denton K. Exhibiting the Past: Historical Memory and the Politics of Museums in Post-socialist China. Honolulu, HI: University of Hawaii Press, 2014.
- Carr G. After Ground Zero: Problems of memory and memorialisation // *Illuminate* 2. 2003. P. 36–44.
- Crang M., Tolia-Kelly D.P. Nation, race, and affect: Senses and sensibilities at national heritage sites // *Environment and Planning A*. N 42. 2010. P. 2315–2331.
- Hatch W. Bloody Memories: Affect and Effect of World War II Museums in China and Japan // *Peace and Change*. N 39 (3). 2014. July. P. 366–394.
- Heit Sh. Waging sexual warfare: Case studies of rape warfare used by the Japanese Imperial Army during World War II // *Women's Studies International Forum*. N 32 (2009). P. 363–370.
- Huysen A. Present pasts: Urban palimpsests and the politics of memory. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2003.
- Johnston E. Comfort Women Statues Spur Debate // *Japan Times*. 2014. Feb. 27.
- Kingston J. Contemporary Japan: History, Politics and Social Change since 1945. London: Wiley-Blackwell, 2010.
- Kleeman F. Y. Under an Imperial Sun: Japanese Colonial Literature of Taiwan and the South. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2003.
- Lang G. E., Lang K. Recognition and Renown: The Survival of Artistic Reputation // *American Journal of Sociology*. 1988. N 94. P. 78–109.
- Levine B. Lawsuit Seeks removal of Glendale 'Comfort Women' Statue // *LA Times*. 2014. Feb. 22. URL: <http://articles.latimes.com/2014/feb/22/local/la-me-ln-glendale-comfort-women-statue-sparks-lawsuit-20140222> (дата обращения: 2.06.2018)
- Morris-Suzuki T. Remembering the Unfinished Conflict: Museums and the Contested Memory of the Korean War // *The Asia-Pacific Journal*. N 29 (4). 2009. July 27. URL: http://japanfocus.org/-Tessa-Morris_Suzuki/3193 (дата обращения: 3.06.2018)
- Olick J. K., Robbins J. Social Memory Studies: From "Collective Memory" to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // *Annual Review of Sociology*. 1998. N 24. P. 105–140.
- Olick J. K (Ed). *States of Memory: Continuities, Conflicts, and Transformations in National Retrospection*. Durham, NC: Duke University Press, 2003.
- Soh C.S. *The Comfort Women: Sexual Violence and Postcolonial Memory in Korea and Japan*. Chicago: University of Chicago Press, 2008.
- Sturken M. *Tangled Memories: The Vietnam War, the AIDS Epidemic and the Politics of Remembering*. Berkeley: University of California Press, 1997.
- Taylor G. *Cultural Selection*. New York: Basic Books, 1996.
- Vinitzky-Seroussi V. Commemorating a Difficult Past: Yitzhak Rabin's Memorials // *American Sociological Review*. 2002. N 67. P. 30–51.

Wada H. The Comfort Women, the Asian Women's Fund and the Digital Museum // The Asia-Pacific Journal. 2008. Feb. 1. URL: <http://www.japanfocus.org/-Wada-Haruki/2653> (дата обращения: 30.05.2018)

Wagner-Pacifici R., Schwartz B. The Vietnam Veterans Memorial: Commemorating a Difficult Past // American Journal of Sociology. 1991. N 97 (2). P. 376–420.

Waterton E. More-than-representational heritage? The past and the politics of affect // Geography Compass. N 8 (11). 2014. P. 823–833.

Yanow D. Space stories: Studying museum buildings as organizational spaces while reflecting on interpretive methods and their narration // Journal of Management Inquiry. N 7 (3). 1998. P. 215–239.

Young J. E. The Texture of Memory: Holocaust Memorials and Meaning. New Haven and London: Yale University Press, 1993.

Yoshida T. From Cultures of War to Cultures of Peace: War and Peace Museums on Japan, China and South Korea. Portland: Merwin Asia, 2014.